

Важно, что вошедшие в сборник воспоминания, — это очевидно, — не подвергались постороннему вмешательству, так сказать, «цензуре нравов» — и потому на них, как правило, нет «хрестоматийного глянца». И родственники, и близкие П. Васильева, и многие из его друзей и знакомых не умалчивают о тех особенностях характера поэта, которые не раз приводили его к конфликтам с окружающими людьми и с властью предрежущими.

Так, в открывающих сборник воспоминаниях В. Васильева, родного брата поэта, читаем: «Павел унаследовал от отца упрямство, решительность, необычайную силу характера и... частицу грубости и эгоизма». Его первая жена, Г. Анучина, пишет: «Павел был человеком больших чувств и страстей. В нем всегда жили два человека: один хороший, другой — плохой. Он сам мне писал в одном из писем: „Галина, верь мне хорошему и не верь плохому“». Наиболее отчетливо высказался в этом плане поэт М. Скуратов:

«Если б я стал писать о Павле Васильеве всю правду-матку, меня могли бы упрекнуть в клевете на славного русского советского поэта. А он был полон противоречий, в нем ущемались добро и зло, и бог знает что!.. «Человек он был!..» — говоря словами Шекспира... он таил в себе уму непостижимые бездны, почти по Достоевскому, которого он любил и отлично знал и понимал... Он был лучше, чем о нем пишут! Живее! При всех своих грехопадениях. А грехопадения были!..»

И все же после знакомства с книгой в целом складывается впечатление, что полноценное художественное воплощение яркой, противоречивой и трагической личности Павла Васильева по плечу не мемуаристам, но биографу-романисту такого же, как у его героя, масштаба дарования. Впрочем, здесь уже идет речь об общих проблемах мемуаристики...

Нельзя обойти молчанием высокопрофессиональную источниковедческую оснащенность книги — такое редко встретишь и в изданиях подобного типа... Послесловие С. Черных и Г. Тюрина «Павел Васильев (К биографии поэта)» содержит множество новых и малоизвестных биографических сведений о семье поэта, его детских и юношеских годах (начиная с уточнения его даты рождения), которые, по существу, вводятся в широкий научный оборот впервые.

В источниковедческом плане хотелось бы сделать лишь два небольших уточнения. Стихотворение П. Васильева «Баллада о Джоне» названо в комментариях неопубликованным; этим мотивировано воспроизведение его полного текста. Между тем оно уже появилось в печати годом раньше — в книге П. Васильева «Верю в неслыханное счастье» (М. «Молодая гвардия». 1988). В послесловии цитируются «Стихи в честь Павла Васильева» М. Голодного со ссылкой на архивный источник (ЦГАЛИ). Однако М. Голодный при жизни П. Васильева публиковал это стихотворение дважды.

Отметим в заключение, что более чем скромный тираж рецензируемой книги (семь тысяч экземпляров) никак не соответствует значимости ее содержания.

С. Субботин.

✱

АЛЕКСАНДР ЗОРИН. Вверх по водопаду. Книга стихотворений. М. «Современник». 1988. 127 стр.

АЛЕКСАНДР ЗОРИН. Гнездо. Стихи. М. «Советский писатель». 1989. 160 стр.

У Александра Зорина, не слишком избалованного публикациями, вышли две поэтические книги. Названия их почти взаимоисключающие. «Гнездо» — знак дома, покоя, укорененности. «Вверх по водопаду» — движение, преодоление, напряженный путь. Противоречия здесь нет — таков этот необычный лирический характер, цельный и мятущийся, близкий к судьбе то «столпника», то «путника». С этим вот слиянием крайностей связаны и два ведущих символа зоринской лирики: дом с чадами и домочадцами и звезда, выскокая и одинокая. Поэт мечтает: «И если не выдохнусь, выстрою дом под аркой закатного неба», — но как бы ни крепко был дом — высь вырвет его из теней уюта

В свинцовый столб воды.
И — силясь тьмы громаду
рассечь, на зов звезды —
вверх, вверх по водопаду.

Александр Зорин — поэт очень современный и безжалостный. Он не боится писать страшный быт, «идя на свет сквозь мерзость запустенья». Предметом поэтического постижения становится и клиника для умиленных, и тесная общая кухня, и дом престарелых, и бог знает что еще. Вырисовывая неприкрашенный быт, бьющий человека «костоломною кувалдой», Александр Зорин никогда не смакует его, а лишь напоминает нам:

Но смертный да не смеет
в унынье забывать:
где злора матерееет,
там крепнет благодать,
внушая благодарность
к Тому, Кто нам велит
принять как знак, как данность,
что мир во зле лежит.

Принять как данность, но и преодолеть внутренне, высветлить лучами добра. Злу противостоит смирение (но только, как подчеркнет Зорин, не «насильственное смирение»), сострадание к ближнему, «жажда чуда, преданности, лада». Как сказано об одном из героев зоринской лирики, «в нем, в отчаявшемся, вера родилась, превозмогая тлен». Вера дает ему силы во всей трагической зыбкости, многокрасочности, изломанности бытия сохранить четкость и определенность основ: «Здесь только два пути: с Иродом или с волхвами».

В книгах Зорина звучит исповедь души глубокой, живой. Земной материал, преобладающий в этой религиозно одушевленной лирике, формирует не только излюбленные темы автора, но и его поэтику. Письмо А. Зорина отличает извилистый — с резкими, но пластичными переносами, инверсиями, скачками — равный дыханию синтаксис...

В стихотворении «По дороге в церковь» («Попутчица») сливаются две выстраданные поэтом темы — судьба России, прелом-

ленная в отдельных горестных народных судьбах, и судьба православия, к которой поэт подходит не с гордынно-теоретическими выкладками, а с земной болью и с доподлинным знанием нашего «здесь и теперь». Стихотворение начинается совершенно прозаическим диалогом (лишь настоящая поэзия способна впустить в себя столь «низкую» материю):

— Сын пьет?
— Пьет... Ладно бы просто пил, — бьет...

Далее в этой стихотворной повести возникают убийственно точные и столь знакомые реалии:

Это он, ирод, в отца. Отец тоже бил,
хоть и не пил.

Война прибрала...

Старуха, героиня стихотворения, уже и не молит Бога за пропадающего сына, только носит на шею второй крест...

Идет. Постукивая посошком.
Окаменел в душе обиды ком.
Но в церкви забывается обида.
Да, в церкви той, благообразной с вида,
что так же измородована, забита,
как и она, сыновним кулаком.

Так возникает пронзительная метафора, в которой спрессованы глубинные мысли поэта о родине, о сородичах, о вере.

«Мир чист и переливчат, как созвучье. Чтобы его понять и полюбить мне, — о, без метафоры не обойтись...» — признается Зорин. Образность поэта неожиданна и убедительна, подчас причудлива, но никогда не кокетлива.

Однако несмотря на всю живописную яркость и зримость зоринской поэзии, главное ее начало — слово. Он уверен: «Владеющий словом — владеет собой». Понимание для художника незаменимо: оно предполагает, что точность слова неотъемлема от правды духа.

Татьяна Бек.

*

НАТАЛЬЯ АСТАФЬЕВА. Заветы. Книга стихов. М. «Советский писатель». 1989. 191 стр.

«Поэзия как документ» — так можно было бы назвать рецензию на этот большой по объему стихотворный сборник. Предвижу читательское: как это — документ? Ведь известно, что нет ничего субъективнее, чем слово поэта! Все так. Но нет и ничего достовернее, правдивее, — если поэзия, разумеется, настоящая.

В последнее время мы много спорим о нашем прошлом. Звучит, в числе прочего, и такое: а существовали ли они в самом деле — кристально чистые подвижники, воодушевленные идеей всеобщего блага, или обаятельные образы их — плод позднейшего мифотворчества, а на самом деле была банальная борьба за власть, честолюбие, заговор и переворот со всеми вытекающими отсюда последствиями?

Книга Натальи Астафьевой иллюстрирована (редкий случай для поэтического сборника!) photographиями из архива автора. Вот

с одной из них глядят на нас две юные девушки в светлых платьях, в шляпках по моде начала века. Милые, серьезные лица. И тут же — стихи:

Две девушки родом из Двинска, Наташа
Кононова
и Юзя Юревич (моя мать — Юревич в
девичестве),
учась на бестужевских, вместе снимали
комнату,
мама была биологом, Наташа — на
историческом.

В делах Петроградского охранного отделения они фигурируют вместе (охранка усердствовала),
подруги-бестужевки, вместе читавшие
Ленина,
мама была беспартийной.
Наташа тогда эсерствовала...

Стихотворение «Подруги», безусловно, одно из лучших в книге. Уместна и естественна здесь длинная, как бы «прозаическая» строка, уместна и естественна неожиданная и звонкая рифма: «усердствовала — эсерствовала» (последнее хочется отметить особо, поскольку в иных случаях Н. Астафьева бывает, к сожалению, небрежна в стихе, особенно в рифмах). Но сюжет стихотворения не обрывается на воспоминаниях о революционной юности, тифозных бараках и разведках в тылу у Деникина — сама жизнь продолжила его непредсказуемо и страшно:

В тридцать седьмом их забрали,
одну и другую вскорости,
двух давних поборниц свободы и
справедливости,
мама была в Долинке Карагандинской
области.
Наташа в Акмолинске, это совсем
близости.

И пусть была потом «оттепель» и реабилитация («маме — прижизненная, Наташе — уже посмертная»), не вернуть загубленных лет, не вернуть загубленных людей. Не вернуть отца — польского революционера Ежи Чешейко-Сохацкого (на одной из фотографий он запечатлен анфас и в профиль — так снимали в охранке), не вернуть дядю Стефана — «пылкого подпольщика», который затем

...в красном Двинске возглавлял Совет и Витебском руководил губернским...

Книга Н. Астафьевой, как, впрочем, и большинство других книг, касающихся тех же тем, не отвечает на вопрос: как это могло случиться? Почему прекрасная мечта обернулась столь страшной реальностью? Просто ли ворвалась в жизнь некая слепая сила, вихрь, рок, как можно понять, читая книгу? Нет, это не в упрек поэту говорится. Поэт не в силах ответить на все вопросы. Он отвечает на один, тоже главный сегодня: да, были, да, жили такие люди! Да, была и духовная чистота, и самоотверженность, и жажда служить людям, и готовность умереть за них. А раз были — значит, не могли пропасть бесследно.

Автор одной критической статьи поспешил не так давно причислить Наталью Астафьеву (с самыми лучшими намерениями!) к числу авторов, долгие годы дождавшихся своей первой книги. Это не так. Были книги. Была когда-то молодая и свежая,